

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ**

**ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУК РСФСР,
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ**

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

(ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК)

о

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА

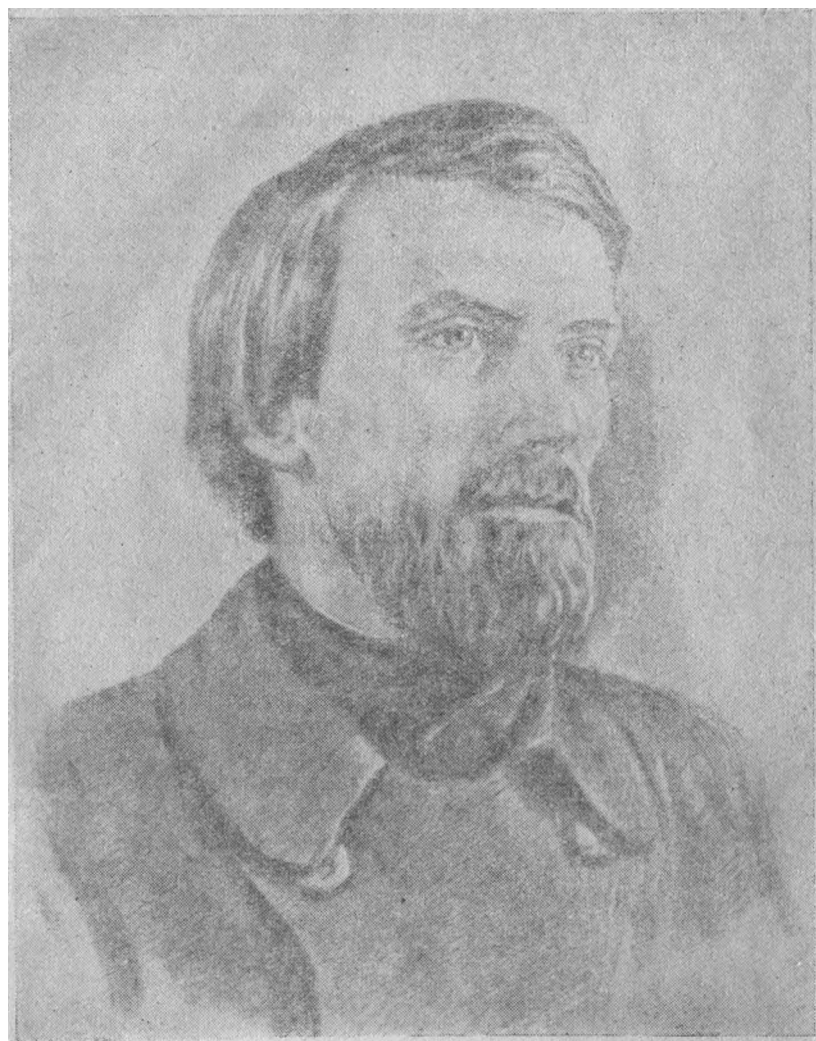
1948 г.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Заслуженный деятель наук РСФСР,
доктор филологических наук
Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

(ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК)

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Детство и юность Белинского

Виссарион Григорьевич Белинский родился 1 июня (по новому стилю 13 июня) 1811 г. в городе Свеаборге. Там служил военным лекарем гребного экипажа его отец Григорий Никифорович. В 1816 г. отец Белинского увольняется из морского ведомства. Его назначают уездным врачом на родину, в город Чембар, Пензенской губернии, куда переезжает вся семья Белинских.

Годы детства оставили неизгладимое впечатление в душе Виссариона, и он всегда вспоминал о них с большой теплотой. «Я снова, — писал он, — становлюсь ребёнком, и вот уже с бьющимся сердцем бегу по пыльным улицам моего родного городка, вот вхожу на двор родного дома с тесовою кровлею, окружённого бревенчатым забором... Вот от ворот до крыльца треугольный палисадник, с акациями, черёмуховым деревом и купою розанов... Вот и маленькая баня при входе в огород, даже и среди белого дня пугавшая моё детское воображение своей таинственной пустотою... А вот возле неё и стог сена, на котором я часто воображал себя то Александром Македонским, то Ерусланом Лазаревичем... А в доме — там нет ни комнаты, ни места на чердаке, где бы я не читал, или не мечтал, или позднее не сочинял...».

В раннем детстве Белинский увидел страшные, на всю жизнь запомнившиеся ему картины: наказание розгами крепостных на городской площади и сборы ссыльных в Сибирь. Он слышал рассказы о нечеловеческих пытках над крестьянами, производимых крепостниками-помещиками Пензенской губернии. Помещики Богдановы, Мосоловы, Кугушевы и другие были известны своим палачеством, зверскими истязаниями крепостных по всей округе. Лекарь-отец должен был производить медицинские освидетельствования пострадавших и лечить истязуемых. О быте деревни, о жизни и страданиях крепостных мальчик узнавал от людей, приезжавших к отцу из деревень для обучения оспопрививанию. Связь с крестьянской массой в семье поддерживалась и через крепостных слуг. Крестьянство Пензенской губернии, как и всей России, питало глубокую ненависть к своим угнетателям. В округе нередко совершались убийства помещиков, сжигались усадьбы. Слухи об этом долетали до восприимчивого и впечатлительного мальчика.

К приезду Белинских в Чембар все были взволнованы собы-

тиями Отечественной войны 1812 года. Отставные солдаты, вернувшиеся с войны пензенские ополченцы, отец Белинского, который также был участником войны и работал лекарем в лазаретах, рассказывали мальчику о героических событиях и подвигах народа. «С пытливой любознательностью» прислушивался он к этим рассказам. Особенно врезалось в память юного Виссариона посещение села Владыкина, где он и его сверстники «после детских игр... в сумерки жадно слушали сказки и воспоминания о походах 100-летнего солдата суворовских времён». Волнующие воспоминания о походах гениального русского полководца согревали сердца юных слушателей и пробуждали в них любовь к народу, к его героическим деяниям.

Устные предания Белинский вскоре стал дополнять чтением исторических книг, а затем изучением родной истории.

Учение в Чембарском училище (1823—1825 гг.) шло успешно. Дарование, трудолюбие и любознательность рано пробудились в мальчике Белинском: он много читает, думает, пишет стихи. «Ещё будучи мальчиком и учеником уездного училища, — вспоминал Белинский, — я в огромные кипы тетрадей, неутомимо, денно и ночью, и без всякого разбора, списывал стихотворения Карамзина, Дмитриева, Сумарокова, Державина... Крылова и других... я плакал, читая «Бедную Лизу» (повесть Карамзина. — Н. Б.), «Марьину рощу» (повесть Жуковского. — Н. Б.) и вменял себе в священнойшую обязанность бродить по полям при тёмном свете луны, с пасмурным лицом». Так делали герои произведений, и Белинский подражал им.

В 1823 г. Чембарское училище посетил И. Лажечников, позднее ставший известным писателем. Он обратил внимание на Белинского и отметил это в своих воспоминаниях: «Во время делаемого мною экзамена выступил передо мною, между прочими учениками, мальчик лет двенадцати, которого наружность с первого взгляда привлекла моё внимание. Лоб его был прекрасно развит, в глазах светился разум не по летам; худенький и маленький, он между тем на лицо казался старше, чем показывал его рост. Смотрел он очень серьёзно... На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностью, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (от чего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал большей частью своими словами, прибавляя ими то, чего не было в казённом руководстве... Я спросил... кто этот мальчик: «Виссарион Белинский¹ — сын здешнего уездного штаблекаря»... Я поцеловал Белинского в лоб, с душевной теплотою приветствовал его, тут же потребовал из продажной библиотеки какую-то книжонку, на заглавном листе которой надписал: «Виссариону Белинскому за прекрасные успехи в учении».

¹ Фамилию Белинского в те годы на родине произносили «Белинский», от названия местечка Бельнь, где жили предки Белинского.

В 1825 г. Белинский окончил училище и был принят в Пензенскую мужскую гимназию. В Пензе у него не было родных, и он поселился в доме мещанина Петрова на Верхней Пешей улице.

В Пензе Белинский полюбил театр и сам играл в домашних спектаклях. Представления в театре помещика Гладкова увлекали его. Актёры и актрисы в этом театре были крепостные. «Помню,— писал один из современников,— что лучшие из этих действующих лиц были известны под именами Гришки, Данилки и Мишки». В годы, когда Белинский жил в Пензе, крепостные Гладкова были доведены до отчаяния жестоким обращением помещика и пытались убить его. Следствие подтвердило факты притеснений крестьян со стороны Гладкова, и правительство вынуждено было отдать его имение под опеку.

В 1825 г. произошло восстание декабристов. В Петербурге на Сенатскую площадь вышли полки, не желавшие присягать новому царю. Слухи об этом небывалом в истории России событии разнеслись по всей стране. Дошли они и до Пензы. Среди крестьян начались разговоры о вольности и об отмене податей. По приказу из Петербурга пензенское начальство стало следить за крепостными, так как царское правительство знало, что «среди этого класса встречается гораздо больше рассуждающих голов, чем это можно было бы предположить с первого взгляда... Они хорошо знают, что во всей России только народ-победитель, русские крестьяне, находятся в состоянии рабства... Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя... и дали ему имя Метёлкина. Они говорят между собой: «Пугачёв попугал господ, а Метёлкин пометёт их». Так доносили жандармы в 1827 г. царю, напуганному восстанием декабристов.

В Пензу стали проникать слухи о декабристах — родственниках некоторых местных помещиков.

Казнь пяти декабристов в июле 1826 года снова привлекла внимание современников. Белинский был взволнован как событиями на Сенатской площади, так и казнью вождей восстания.

Белинский-гимназист усиленно читает книги по истории и литературе, которые берёт у своего учителя по гимназии М. М. Попова и у товарищей. Любимыми писателями его в эти годы были Пушкин и Жуковский. Начитанность Белинского поражала знакомых. «Не помню, чтобы в Пензе с кем-нибудь другим я так душевно разговаривал, как с ним, о науках и литературе»,— вспоминал М. М. Попов.

Среди близких товарищей Белинского был сын «дворянского человека Егора» Дмитрий Калинин. Дружба с крепостным гимназистом невольно должна была заставить его задуматься над судьбой способного юноши, который был обречён на жизнь бесправного раба. К крепостным слугам своего отца Белинский уже в это время проявлял тёплые чувства. В письме к брату из Москвы он писал: «Кланяйся всем, всем меня знающим и помнящим, и нашим домашним: Акулине, Василью, Авдотье, Марье и Ивану; первым

трём скажи, что я их люблю и помню, а последним, что я их не знаю, но люблю, потому что они наши домашние».

В Пензе выросли и окрепли симпатии молодого Белинского к народу, чувство гордости его великим прошлым и будущим. «Чем больше живу и думаю, тем больше, кровнее люблю Русь», — писал он. «Что я люблю всем сердцем, всею душою, всем существом моим, к тому я не могу быть равнодушен, в том я сильнее, чем в другом, люблю хорошее и (по тому же закону) сильнее ненавижу дурное». «Дурным» в глазах Белинского было крепостное право. Оно являлось великим злом русской жизни. Жуткие картины жестокостей крепостников Белинский запомнил на всю жизнь.

В Москве

Белинский не закончил курса гимназии. Он ушёл из третьего класса и поехал в Москву, чтобы поступить в университет.

Начались сборы. Белинский с волнением ожидал дня отъезда. В августе 1829 г. он выехал в Москву. Подъезжая к Москве, он ещё издалека, «как в тумане», увидел колокольню Ивана Великого. «Мы въехали в заставу. Сильно билось у меня ретивое, когда мы тащились по звонкой мостовой, — писал Белинский родным из Москвы.— Смешение всех чувств волновало мою душу. Утро было ясное... Наконец, приблизились к Москве-реке, запруженной баркасами. Неисчислимое множество народа толпилось по обеим сторонам набережной и на Москворецком мосту. Одна сторона Кремля открылась перед нами. Шумные клики, говор народа, треск экипажей, высокий и частый лес мачт с развевающимися разноцветными флагами, белокаменные стены Кремля, его высокие башни, — всё это вместе поражало меня, возбуждало в душе удивление и тёмное смешанное чувство удовольствия. Я почувствовал, что нахожусь в первопрестольном граде, — в сердце царства русского».

Белинский осматривает город, всё привлекает его внимание: и седой Кремль и достопримечательности города — набережные Москвы, Каменный мост, воспитательный дом, Петровский театр, здание университета.

«Из всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиогномию, богатый историческими воспоминаниями, озаменованный печатью священной древности, и зато нигде сердце русского не бьётся так сильно, так радостно, как в Москве. Ничто не может быть справедливее этих слов, сказанных великим нашим поэтом:

Москва! как много в этом звуке
Для сердца русского слилось,
Как много в нём отозвалось!

Какие сильные, живые, благородные впечатления возбуждает один Кремль! Над его священными стенами, над его высокими башнями пролетело несколько веков. Я не могу истолковать себе

тех чувств, которые возбуждаются во мне при взгляде на Кремль. Вид стен Кремля погружает меня в сладкую задумчивость и возбуждает во мне чувство благоговения. С почтением смотрю я на их старинную архитектуру. Вид их переносит меня в священную древность, в милую русскую старину».

Памятник Минину и Пожарскому пробудил в нём особенно глубокое чувство: «Когда я прохожу мимо этого монумента, когда я рассматриваю его, друзья мои, что со мною тогда делается! Какие священные минуты доставляет мне это изваяние. Волосы дыбом поднимаются на моей голове, кровь быстро стремится по жилам, священным трепетом исполняется всё существо моё и холод пробегает по телу. Вот, думаю я, вот два вечно сонных исполина веков, обессмертившие имена свои пламенной любовью к милой родине. Они всем жертвовали ей: имением, жизнью, кровью. Когда отечество их находилось на краю пропасти, когда поляки овладели матушкой-Москвой, когда вероломный король их брал города русские, — они одни решились спасти её, одни вспомнили, что в их жилах текла кровь русская.

В сии священные минуты забыли все выгоды честолюбия, все расчёты подлой корысти — и спасли погибающую отчизну. Может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не исчезнут в океане вечности. Поэт сохранил оные в вдохновенных песнях своих, скульптор в произведениях волшебного резца своего. Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!».

Белинский пытливо всматривается в жизнь города и в жизнь народа. Он видит роскошь и бедность, богатство одних и нищету многих: «Часто в этих улицах встречаешь превосходные по красоте и огромности строения, а между ними есть такие, какие и в самом Чембаре почитались бы плохими и которые своею гнусностью умножают красоту здания, возле которого стоят. Глядя на подобное зрелище, приводишь на память стихи Долгорукого:

Иной в огромнейшей палате
Даёт всedневный пир друзьям,
А рядом с ним, в подземной хате,
Другой не ест по целым дням».

Белинский приехал в Москву, чтобы поступить в университет. В сентябре 1829 г. он успешно держит экзамены и становится студентом, получает университетскую «табель». Домой он с радостью писал: «Итак, я теперь студент».

Белинский по бедности вынужден был проситься «на казённый кошт». В начале 1830 г. его просьбу удовлетворили и поселили в общежитии студентов. Однако вскоре «прелести» «кошта» заставили Белинского писать с возмущением домой: «Я теперь нахожусь в таких обстоятельствах, что лучше согласился бы быть подьячим в Чембарском уезде, нежели жить на этом каторжном,

проклятом казённом коште». Белинского стесняла жизнь взаперти и произвол начальства: «Лучше бы согласился наняться к кому-нибудь в лакеи и чищением сапог и платья содержать себя, нежели жить в нём» (в «казённом коште»).

Белинский выступает с протестом против самодурства начальства. Однажды был посажен в карцер за отлучку из общежития один студент, Белинский вместе со студентом Чистяковым собирает «казённокоштных» студентов в зал и требует освобождения наказанного. Начальство должно было уступить требованию студентов, но на Белинского стало смотреть подозрительно.

Скоро он подал повод к новому недовольству начальства.

Московский университет был центром литературной и общественной жизни того времени. «Наш университет в Москве, — писал современник Белинского, известный потом писатель И. А. Гончаров, — был святилищем не для одних нас, учащихся, но и для их семейств и для всего общества... Москва гордилась своим университетом, любила студентов, как будущих самых полезных, может быть громких, блестящих деятелей общества. Студенты гордились своим званием».

Великий русский писатель и революционер А. И. Герцен — современник Белинского, — учившийся в те годы в университете, впоследствии писал, что «Московский университет вырос в своём значении вместе с Москвою после 1812 года... Народ догадался по боли, которую чувствовал при вести о её занятии неприятелем, о своей кровной связи с Москвой. С тех пор началась для неё новая эпоха. В ней университет больше и больше становился средоточием русского образования».

В Московском университете 30-х годов воспитывалась юная Россия, которая после разгрома декабристов ощутила в себе прилив новых сил. По словам современника-мемуариста, студенчество тех лет верило, что ему надо поднять знамя свободы, выпавшее из рук декабристов, и передать его последующим поколениям. «Мы были уверены, что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдёт вслед за Пестелем и Рылеевым, и что мы будем в ней», — писал Герцен. В стенах Московского университета в начале XIX столетия обучался ряд выдающихся русских писателей: Грибоедов, К. Аксаков, одновременно с Белинским — Лермонтов, Герцен и Огарёв.

Николай I не любил Московский университет, так как видел в нём рассадник «крамолы». Белинский сообщал брату Константину, что император Николай гостил в конце 1831 г. в Москве и «был везде, кроме университета». Университетская молодёжь платила царю такой же неприязню. Она была охвачена «вольномыслием», увлекалась передовыми политическими, философскими и литературными теориями.

Н. И. Сазонов, товарищ Герцена и Огарёва, так обрисовал «кипение умов» молодёжи этого времени: «На сходках мы декламировали запрещённые стихи Рылеева и Пушкина... Всё волновало,

захватывало и приводило нас в восторг». Молодёжь увлекали «привязанность к истинно народным традициям и современные свободололюбивые идеи». В университете создавались кружки, изучавшие вопросы философии, политики, истории (кружок Герцена и др.).

Белинский жил в этой атмосфере. Годы пребывания в университете явились для него временем быстрого духовного роста. Белинский писал своим родственникам: «Я подружился с П. Я. Петровым... Мы часто бываем вместе, судим о литературе, науках и других благородных предметах и всегда расстаёмся с новыми идеями и новыми мыслями».

Около Белинского составилась в 1830 г. кружок из «казённо-коштных» студентов, людей необеспеченных, как и он сам. Это были Петров — сын учителя, Чистяков — сын сельского священника, сам Белинский — сын лекаря и другие студенты — дети разночинцев. На своих собраниях они обсуждали лекции профессоров, журнальные статьи и собственные сочинения.

Студентам кружка Белинский в декабре 1830 г. прочёл свою драму «Дмитрий Калинин». Отцу Белинский писал: «В этом сочинении со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, и в картине довольно живой и верной представил тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных». А родным сообщил, что для своего сочинения он взял факты дикого помещичьего произвола, знакомые по Пензе: «Вы в драме увидите многие лица, довольно вам известные». Белинский в своей драме изобразил помещицу Давыдову и семью помещика Мосолова, владельца села Полян, находившегося в 3 верстах от Чембара. Сам помещик за свою жестокость был прозван «соловьём-разбойником». Жена Мосолова и два сына прославились в округе как изверги, жестоко истязавшие крепостных. Они были «лица, довольно известные» всем чембарцам.

В драме Белинский устами своего героя (фамилия его совпала с фамилией товарища Белинского по гимназии — сына крепостного — Дмитрия Егоровича Калинина) бичевал крепостное право, вставал на защиту человеческого достоинства угнетённых рабов: «Кто дал гибельное право одним людям поработать своей власти волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу? Кто позволил им ругаться над правами природы и человечества? Господин может, для потехи или для рассеяния, содрать шкуру со своего раба, может продать его как скота, выменять его на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью, с братьями и со всем, что для него мило и драгоценно!.. Милосердный боже! Отец человек! Ответствуй мне: твоя ли премудрая рука произвела на свет этих змиев, этих крокодилов, этих тигров, питающихся костями и мясом своих ближних и пьющих, как воду, их кровь и слёзы?»

Слушатели-студенты были потрясены. Через месяц Белинский представил свою драму в цензурный комитет, чтобы получить разрешение на печатание. Но антикрепостническое содержание драмы напугало цензуру. Она запретила её, признав произведением «безнравственным, бесчестящим университет». Родные Белинского предупреждали его «не спешить издавать оную», опасаясь «необдуманности какой-нибудь». Но Белинский не хотел считаться с опасностью, которой подвергал себя. Он горел пламенной любовью к родному народу и хотел сказать своё слово в его защиту. Крепостные в ту пору всё решительнее начинали выступать в защиту своих прав. В 1830 г. вспыхнули большие волнения новгородских крестьян, живших в военных поселениях. И «безвестный плебей» Белинский выразил в своём первом литературном произведении гневный протест крестьянства против крепостного права.

Неприятности в цензуре не сломили Белинского. Он продолжал слушать лекции, писать стихи и рецензии. Некоторые из них стали появляться в печати. Так Белинский постепенно готовил себя к литературной деятельности.

В начале 1831 г. он тяжело заболел и несколько месяцев пролежал в больнице. В летние месяцы Белинский подготовился к экзаменам, но к сдаче их его не допустили и исключили из университета под предлогом «ограниченности способностей». Так университетское начальство избавилось от Белинского.

Но новая неудача не подорвала веры Белинского в свои силы. «Я нигде и никогда не пропаду, несмотря на все гонения жестокой судьбы, — писал он, — чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастий, несколько ума, порядочный запас опытности, а более всего некоторая твёрдость в характере — не дадут мне погибнуть... Будущее не страшит меня».

Решимость Белинского противостоять всем жизненным испытаниям была свидетельством незаурядности его личности. В этом даровитом юноше, обиженном реакционными чиновниками университета, зрел гениальный критик, будущая гордость России. Белинский — плебей по происхождению — самостоятельно должен был завоевать себе место в том мире, где удачи и счастье принадлежали сыновьям бар, детям крепостников. Белинский избирает себе путь борца за счастье народа и становится выразителем его чаяний.

После выхода из университета у юноши возникла новая забота: найти средства к жизни. Он даёт уроки, делает переводы, но тем не менее живёт в «отчаянной нужде». Поддержал Белинского в этот тяжёлый для него период молодой профессор университета Н. И. Надеждин, который давал ему и раньше литературный заработок. В августе 1834 г. он предоставил Белинскому за работу в журнале «Телескоп» бесплатную комнату, «готовый стол, чай».

Через месяц Белинский начинает печатать в «Молве», выходившей в качестве приложения к «Телескопу», свою первую замечательную статью «Литературные мечтания» (1834 г.). Это был лите-

ратурный манифест новой России. Молодая Россия требовала, чтобы писатели выражали «в своих изящных созданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнью которого они живут и духом которого дышат». Народность литературы — ведущий тезис «Литературных мечтаний» — явилась впоследствии основной идеей Белинского на протяжении всей его деятельности.

Белинский видел, что между народом и высшими классами существует разрыв: «Народ или, лучше сказать, масса народа и общество пошли у нас врозь. Первый остался при своей прежней жизни... и при своих заунывных песнях, в коих изливалась его душа в горе и в радости; второе же видимо изменялось... забыло всё русское, забыло даже... русский язык».

Белинский справедливо упрекал дворян в пренебрежении к родной культуре. Свои надежды он возлагал на народ. В «Литературных мечтаниях» критик говорит о необходимости просвещения для народной массы, о том, что русский народ «всегда готов был учиться; только ему нужно было начать своё учение с азбуки, а не с философии, с училища, а не с академии». И Белинский верил, что придёт время — и «просвещение разольётся в России широким потоком».

В «Литературных мечтаниях» Белинский высказал теоретические воззрения, отражавшие уровень развития общественной мысли того времени. По меткому выражению С. М. Кирова, Белинский пережил сложный путь исканий: «В течение своей короткой жизни он прошёл все тернии, от бесплодной метафизики к научному мирозерцанию»¹.

В 30-е годы прошлого века Белинский, как и многие его современники, был идеалистом. Но уж в 40-е годы критик приходит к материализму, становится революционным демократом и резко осуждает за её реакционно-политические устремления идеалистическую философию Гегеля, которой увлекались некоторые его современники.

Из статей раннего периода деятельности Белинского необходимо отметить статью «О русской повести и повестях Гоголя» (1835 г.). Белинский показывает в ней значение Гоголя как реалиста, который умеет «извлекать поэзию жизни из прозы жизни и потрясать души верным изображением этой жизни». Он указал на отличительную особенность таланта Гоголя: произведениям его, по словам критика, присуще «комическое воодушевление, всегда поддерживаемое глубоким чувством грусти». Наконец, Белинский вопреки мнению консервативных критиков того времени о Гоголе, как «писателе по весёлой части», выдвинул и обосновал значение Гоголя как подлинно народного писателя. «Повести Гоголя, — писал он, — народны в высочайшей степени... Жизнь всякого народа проявляется в своих, ей одной свойствен-

¹ «Литературная газета» от 1 декабря 1939 г.

ных формах; следовательно, если изображение верно, то и народно».

В те же годы Белинский выступил с требованием создать журнал для широких читателей, который должен был бы, по его мнению, отвечать на «главные, настоящие текущие потребности» народа.

Белинский выражал веру в промышленный расцвет России: «Погодите, и у нас будут чугунные дороги, и, пожалуй, воздушные почты, и у нас фабрики и мануфактуры дойдут до совершенства, народное богатство усилится».

Однако присущий в эти годы мировоззрению Белинского идеализм привёл его к ошибкам политического характера. Под влиянием кратковременного увлечения Гегелем он, защитник интересов народа, пришёл к мысли о примирении с действительностью. В статьях, посвящённых годовщине Бородинского сражения, Белинский высказывает мысль о том, что царская власть — законное историческое явление. И хотя в этих же статьях Белинский говорит о героических солдатах, решивших исход битвы под Бородиным, он недооценивает народ как главного участника великих успехов и великих перемен в судьбе родины.

Однако, осознав вскоре своё заблуждение, Белинский сурово осудил себя: «Проклинаю своё гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью. Да здравствует разум, да скроется тьма». И Белинский решительно переходит к признанию революции. «В истории мои герои, — писал он, — разрушители старого». Теперь Белинский уверовал в социализм; он проникся жгучим интересом к жизни социальных низов. Он — враг тех, кто блаженствует за счёт других. Он стал конкретно рассматривать историю, жизнь каждой страны. Не абстрактный идеал героя-протестанта, а живой, конкретный человек, любящий родину, горячо принимающий к сердцу интересы своего народа, — вот кто увлекает Белинского — друга закрепошённого народа. Белинский стремительно двигался вперёд, всё более приближаясь к единственно правильным, научным взглядам на мир. «Я меняю убеждения, — признавался он, — это правда, но меняю их, как копейку на рубль».

Чернышевский, идейный наследник Белинского, говорил о нём: «До самой смерти своей этот человек шёл вперёд, и чем далее, тем полнее и точнее выражались его мысли». Белинский был страстным, неутомимым «великим искателем» научной истины, как сказал о нём С. М. Киров.

В Петербурге

С наибольшей полнотой деятельность Белинского развернулась в Петербурге, куда он переехал в 1839 г. и где жил до самой смерти. Свои статьи Белинский печатал в журнале «Отечественные записки», а с 1846 г. — в журнале «Современник».

Белинский приобретает в этот период авторитет учителя, ста-

новится «властителем дум» молодого поколения и всех передовых людей своего времени. «Статьи Белинского судорожно ожидались молодёжью в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца, — рассказывает Герцен. — Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли «Отечественные записки». Тяжёлый номер рвали из рук в руки.

— Есть Белинского статья?

— Есть.

И она проглатывалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трёх-четырёх верований... как не бывало».

В Петербурге Белинского окружали друзья, ученики и почитатели. Среди них были Гершен, Некрасов, Григорович, Тургенев. Они постоянно бывали у Белинского, и многие из них обязаны критику тем, что он направил их творчество по наиболее верному пути, помог понять особенности таланта каждого. Петербург отрезвил его от метафизики, от идеализма, от абстрактных, оторванных от реальной жизни, теорий. «Меня убило, — говорил Белинский, — это зрелище общества, в котором властвуют и играют роль подлещи и дюжинные посредственности, а всё благородное и даровитое лежит в позорном бездействии... Любовь моя к родному, русскому стала грустнее».

Все силы своего ума и воли Белинский отдавал великой и святой борьбе с феодально-крепостническим строем. С необычайной страстью он провозглашал освободительные, передовые идеи. «Вряд ли кто-либо ещё в истории русской литературы и публицистики, — писал М. И. Калинин, — так властвовал над умами людей и столь действенно поднимал их гражданское самосознание, толкая на борьбу с самодержавием, за демократическую революцию, как Белинский...»¹.

Белинский «...воплотил в себе, — писал С. М. Киров, — весь протест против окружающей «гнусной действительности»². всю жизнь он боролся за просвещение и освобождение народа, культурное развитие которого всячески старались задержать царь и его министры. Так, например, министр просвещения граф Уваров заявлял тогда: «Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет, ...то я исполню мой долг и умру спокойно». «Царство мглы, произвола и отчаяния», — говорил об этом времени — периоде разгула реакции Николая I — Герцен.

В 40-е годы в ответ на усиление реакции и гнёта крепостников в народе всё сильнее нарастает гнев против существующего общественного строя. Настроения крестьянских масс внушали Белинскому и лучшим его современникам надежды на скорые перемены в социальной жизни России. Веря в это, Белинский неутомимо работал до конца своей жизни.

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. Избранные речи и статьи, стр. 220. «Молодая гвардия». 1936 г. Изд. 2-е.

² «Литературная газета» от 1 декабря 1939 г.

Когда Некрасов вместе с другом своим Панаевым начали издавать «Современник», Белинский перешёл к ним в журнал.

Последние годы жизни великого критика были омрачены мучительной болезнью — чахоткой. С помощью друзей Белинский ездил лечиться на юг — в Одессу и Крым, — а в 1847 г. — на Силезские воды. Но здоровье не восстанавливалось, а продолжало разрушаться. Больного посещают друзья, знакомые. «Мучимый постоянно изнурительною лихорадкою, не имея возможности дышать свежим воздухом, — вспоминает один из друзей, — Белинский не сказал при нас ни одного слова о своей болезни... Он любил говорить о политических событиях, расспрашивал про городские новости, но главный и любимый разговор его был о русской литературе, старой и новой».

Муки больного усиливались от сырого петербургского климата и «от тяжёлого, смутного предчувствия чего-то недоброго». Современник рассказывает, что в последний год жизни Белинского «стали носиться какие-то неблагоприятные для него слухи, всё как-то душнее, мрачнее становилось кругом». Участились доносы правительству на передовых людей. В одном из них прямо говорилось о Белинском, что «в его сочинениях есть что-то похожее на коммунизм, а молодое поколение может от них сделаться вполне коммунистическим».

Большой переполох наделало анонимное письмо, посланное в III отделение. Автор его, указывая на революцию в Париже, предсказывал то же и для России: «Не дерзость, не безумие, как ревёт Николай, а светлое благоразумие, просиявшее из света науки, угрожает подобным восстанием не России, а мерзким властям в России... Будет! И будет так, а не как думает Николай со своими крошечниками». После безымянного письма с предсказаниями о будущей революции в России III отделение вызывает Белинского. В записке на имя царя шеф жандармов пишет, что Белинский и его последователи «в молодом поколении могут легко поселить мысли о политических вопросах Запада и коммунизме».

Когда весной 1848 г. в Петербурге распространились слухи о революции в Париже, управляющий III отделением генерал Дубельт снова вызвал Белинского в III отделение, но критик не явился.

Белинский предчувствовал беду. Он знал, что правительство и раньше хотело лишить его свободы. Комендант Петропавловской крепости Скобелев «шутливо» говорил Белинскому, встречаясь с ним на Невском проспекте: «Когда же к нам? У меня совсем готов тёпленький каземат, так для вас его и берегу».

Революционные настроения Белинского ярко проявлялись в его статьях. Недаром поэт Вяземский в 1857 г. писал: «Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который за неимением у нас места бунтовать на площади бунтовал в журналах».

Этим и объясняется, почему царское правительство так следило за Белинским, так хотело сгноить его в каземате. Уже больным, Белинский подтрунивал над страхами правительства, над толками о вооружении Петропавловской крепости: «Это из боязни, чтобы я её не взял».

«К весне, — рассказывает современник, — болезнь начала действовать быстро и разрушительно. Щёки Белинского провалились, глаза потухали, изредка только горя лихорадочным огнём, грудь впала, он еле передвигал ноги и начинал дышать страшно. Даже присутствие друзей уже было ему в тягость».

24 и 25 мая 1848 г. Белинский целый день был в бреду, и в среду 26 мая (по новому стилю 7 июня), в 5 часов утра, скончался. «Перед самой смертью, — вспоминает один из современников, — он говорил часа два не переставая, как-будто к русскому народу, и часто обращался к жене, просил её всё хорошенько запомнить и верно передать эти слова, кому следует, но из всей этой длинной речи почти ничего нельзя было разобрать; потом он вдруг замолк и через полчаса мучительной агонии умер».

Смерть спасла Белинского от каземата Петропавловской крепости. Тургенев в своих воспоминаниях писал: «Не раз приходится слышать слова: такой-то во-время, кстати умер... Ни к кому они так, несомненно, не применяются, как к Белинскому... Какие беды ожидали его, если бы он остался жив».

«Мы бы его сгноили в крепости», — говорил начальник штаба корпуса жандармов Дубельт, сожалея, что смерть Белинского не позволила этого сделать.

Литературная деятельность Белинского последних лет

В журналах «Отечественные записки» и «Современник» Белинский напечатал свои лучшие статьи: целый цикл (11) статей, посвящённых Пушкину, несколько статей о Лермонтове (о романе «Герой нашего времени» и стихотворениях), статьи о поэме Гоголя «Мёртвые души», статьи о Крылове и замечательные обзоры русской литературы за восемь лет (с 1840 по 1847 г.).

В своих статьях Белинский разъяснял читающей публике значение великих русских писателей. Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Герцен, Некрасов, Гончаров, Достоевский, Тургенев, Салтыков-Щедрин и другие классики русской литературы получили достойную оценку великого критика.

Белинский прекрасно знал русскую литературу XVIII и начала XIX веков. Он высоко ценил Пушкина. «Пушкин более национально-русский поэт, нежели кто-либо из его предшественников». «Поэзия Пушкина, — писал Белинский, — удивительно верна действительности, изображает ли она русскую природу или русские характеры; на этом основании общий голос нарёк его русским национальным, народным поэтом».

Поэзии Пушкина свойственно уважение к человеку, как человеку, независимо от происхождения, знатности, богатства и чинов. «Один из высочайших и священнейших принципов истинной нравственности,— писал Белинский,— заключается в уважении человеческого достоинства во всяком человеке, без различия лица, прежде всего за то, что он — человек, и потом уже за его личные достоинства, по той мере, в какой их имеет, в живом, симпатическом сознании своего братства со всеми, кто называется человеком».

Равенство людей и гуманизм в отношениях друг с другом Белинский полагал в основу общественной жизни. Пушкин своей поэзией поддерживал этот принцип, и Белинский высоко ценил поэта и предсказывал ему признание со стороны благодарного потомства: «Придёт время, когда он (Пушкин) будет в России поэтом классическим. Придёт время, когда потомство воздвигнет ему вековечный памятник».

После смерти поэта Белинский написал ряд статей, объясняющих его место и роль в истории русской литературы и культуры. Заслуги Пушкина Белинский видел в высоком нравственном влиянии на общество: «Читая его (Пушкина) творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека, и такое чтение особенно полезно для молодых людей обоёго пола. Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, воспитателем юного чувства. Поэзия его чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, призрачно-идеального; она вся проникнута насквозь действительностью; она не кладёт на лицо жизни белил и румян, но показывает её в её естественной истинной красоте; в поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля».

Пушкин следил за статьями Белинского и хотел пригласить начинающего критика работать к себе в «Современник». Внезапная трагическая гибель поэта помешала этому. Белинского радовали несколько дошедших до него приветливых слов поэта.

Гоголь после Пушкина явился главою нового направления в литературе. Он убил в ней всё ложное, мешавшее изображению действительных картин русской жизни. Гоголь создаёт глубоко правдивые типы. «Он (Гоголь),— пишет Белинский,— не льстит жизни, но и не клеветает на неё; он рад выставить наружу всё, что есть в ней прекрасного, человеческого, и в то же время не скрывает нисколько и её безобразия... он верен жизни до последней степени».

Гоголь нанёс сокрушительный удар и другому вредному направлению — пристрастию к герою из высшего света: «Презрение к простым чадам земли дошло до последней степени. У кого не было колоссального характера, кто мирно служил в департаменте... говорил просто, не читал стихов... тот уже не годился в герои романа или повести». Гоголь взял героями для своих про-

изведений простых людей, бедных чиновников, тружеников города. Гоголь, по мнению Белинского, знал и такую истину, что «действительные люди обитают на земле и в обществе, а не в воздухе, не в облаках... Человек, живущий в обществе, зависит от него и в образе мыслей и в образе своего действия».

Цена народность, гуманизм и поэтичность Пушкина, Белинский в 40-е годы отдавал предпочтение Гоголю как реалисту-сатирику.

Когда Белинский прочёл «Мёртвые души» Гоголя, он пришёл в восторг: «Творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайников народной жизни, столько же истинное, сколько и патристическое, беспощадно сдёргивающее покров с действительности и дышащее страстно, нервисто, кровию любовью к плодovitому зерну русской жизни; творение необъятно-художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта, и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое... При каждом слове его поэмы читатель может повторить:

«Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»

И Пушкин и Гоголь, по мнению Белинского, явились поэтами мирового значения: «Как народ России не ниже ни одного народа в мире, так и Пушкин не ниже ни одного поэта в мире». Это убеждение составляет «одну из самых основных опор нашей внутренней жизни».

С позиций народности критик подходил и к оценке Лермонтова, поэзию которого любил страстно. Белинский увидел в Лермонтове «поэта русского, народного в высшем и благороднейшем значении этого слова, в котором выразился исторический момент русского общества».

Критик верно уловил, что поэзия Лермонтова отразила настроения общества после разгрома декабристов: настроения людей, угнетаемых бессилием и невозможностью бороться с деспотизмом царя. Белинский увидел в поэзии Лермонтова протест против самодержавия и крепостничества, стремление развеять душный воздух николаевской тюрьмы, отравлявший души молодого поколения 20—30-х годов прошлого столетия. Критик распознал в Лермонтове страстного борца за достоинство человеческой личности. Когда ему дали прочесть «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», Белинский воскликнул: «Литература приобретает сильное и самобытное дарование!».

С Лермонтовым критик познакомился в 1837 г. в Пятигорске. Белинский лечился, а Лермонтов был сослан на Кавказ за стихотворение на смерть Пушкина, в котором он бросил царю и придворным обвинение в убийстве поэта. Ближе поэт и критик сошлись в 1840 г. в Петербурге.

Белинский после беседы с Лермонтовым восторженно говорил: «Глубокий и могучий дух. Как он верно смотрит на искусство...

О, это будет русский поэт с Ивана Великого... Перед Пушкиным он благоговееет... Я с ним спорил, и мне отраднo было видеть в его рассудочном, охлаждённом и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого». Через год Лермонтов трагически погиб на дуэли.

С Гоголем Белинский познакомился в Петербурге. Критик говорил, что встречи его с Гоголем были для него «отдыхом и отрадою». Последняя их встреча была в Москве в 1841 году. Гоголь вручил Белинскому рукопись 1-й части своей поэмы «Мёртвые души», чтобы тот отвёз её в Петербург, так как московская цензура не разрешила печатать поэму. В Петербурге при содействии Жуковского разрешение было получено, и поэма появилась в печати.

Но вскоре Гоголь устранился своих произведений, обличающих зло крепостнического строя. В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» он, отрицая реальность своих героев, утверждал, что бессмертные образы, созданные им,—плод его фантазии, «история» его «собственной души». Гоголь был напуган революционным смыслом своих «Мёртвых душ» и стал проповедывать смирение, звать к преклонению перед властью и церковью.

В ответ на реакционную проповедь писателя Белинский пишет ему своё знаменитое письмо (15 июля 1847 г.), в котором беспощадно осуждает взгляды Гоголя, высказанные им в новой книге. Критик находился в это время за границей, в Зальцбрунне.

В его письме гневно звучал голос закрепощённого крестьянства, и он требовал уничтожения крепостного права, ставя вопрос об этом в числе «самых живых, современных национальных вопросов в России».

В. И. Ленин в 1914 г. оценил это письмо Белинского, как одно из «...лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»¹.

Разумеется, это письмо Белинского, выражавшее «настроение крепостных крестьян против крепостного права...»², не могло быть напечатано. Белинский переслал его Гоголю через друзей, но письмо вскоре получило широкое распространение среди передовых кругов русского общества. По сообщению агента III отделения, письмо «произвело всеобщий восторг». Поэт Глищев в одном из своих писем сообщал: «Теперь все восхищаются письмом Белинского к Гоголю».

Копия этого письма попала Герцену, и он напечатал его за границей. В России письмо было полностью напечатано только после революции 1905 года. Царское правительство за распространение и чтение письма Белинского выносило смертные приговоры, за хранение письма и недонесение о нём осуждало на каторжные работы. Гневные обличения Белинского зажигали во всех честных сердцах священную ненависть к крепостничеству.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XVII, стр. 341.

² В. И. Ленин. Соч., т. XIV, стр. 219.

Значение деятельности Белинского

В Белинском воплотились свободолюбие, талантливость, сила и мощь нашего великого народа. «Я не обольщён моим талантом,— писал застенчивый и скромный критик,— я знаю, что сила моя не в таланте, а в страсти... что моя статья и я нечто нераздельное». Белинский не отделял личных убеждений от общественных запросов. Наоборот, он жил для народа и переживал его муки и страдания, разделял его мечты и чаяния.

«Если при мне рассказывали о несправедливостях, гонениях, жестокостях сильных над слабыми, о злоупотреблениях властей, то ад бунтовал в моей груди», — говорит о себе герой его юношеской драмы Дмитрий Калинин.

Статьи Белинского всегда были согреты пламенной страстью, глубокой искренностью.

Один из современников рассказывает: «Для того, чтобы иметь о Белинском полное понятие, видеть его во всём блеске, надобно было навести разговор на те общественные вопросы, которые живо его затрагивали... Затронутый, он вдруг вырастал, слова его лились потоком, вся фигура его дышала внутренней энергией и силой...»

Белинского целиком захватывала мысль о счастье народа, мысль о несправедливости унижения одних и благополучия за их счёт других: «Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими!»

Стойкость, терпение в борьбе, беспримерная вера в свои силы и неподкупная честность были опорой в тяжёлой жизни Белинского. Он был беспощаден к врагам и требователен к себе; он всегда прямо и честно признавал свои промахи, сурово клеймил себя за ошибки.

Белинский ясно понимал, что главным социальным вопросом в России был вопрос о ликвидации крепостного права, борьба за раскрепощение человеческой личности.

Говорить открыто о своём отношении к крепостному праву, самодержавию, социализму и революции Белинский, понятно, не мог. Цензура беспощадно резала его статьи.

Свои заветные мысли он часто высказывал в письмах к друзьям. Здесь он давал простор своим мечтам и раскрывал свои социалистические убеждения. «Идея социализма... стала для меня,— писал он Боткину,— идеею идей, бытиём бытия, вопросом вопросов... Она для меня поглотила и историю, и религию, и философию. И потому ею я объясняю теперь жизнь мою, твою и всех, с кем я встретился на пути жизни».

Белинский увлекался идеями утопического социализма, который, однако, как сказал Ленин, «...не мог указать действительно-

го выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наёмного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества»¹, т. е. революционный пролетариат, которого в те годы в России не было.

В 40-е годы критик высоко оценивает произведения Герцена, Некрасова, Тургенева и других передовых русских писателей, как произведения большой общественной силы, проникнутые идеями борьбы за освобождение народа.

Белинский требовал от литературы служения народным интересам. Писатель должен быть общественно чутким человеком; он «гражданин своей земли, сын своего времени». Критик вдохновенно писал: «Свобода творчества легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которая не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни».

Великий критик завещал писателям показать нового героя в литературе — «простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого крестьянином и мужиком». В этом человеке он прозревал могучие силы, которые со временем послужат процветанию Родины.

Будучи национальными, русские писатели выражали общечеловеческие идеи, и поэтому Пушкин, Гоголь, Лермонтов в оценке критика были писателями, благодаря которым русская литература получила мировое значение.

Защита русской культуры, её величия и самостоятельности, внушала Белинскому резкое осуждение тех дворянско-либеральных писателей, которые слепо преклонялись перед Европой, перед буржуазной культурой.

Белинский резко критикует буржуазные понятия о равенстве и свободе: «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником и капиталистом, тот и другой судятся одинаковым судом и по вине наказываются одинаковым наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, ибо тот даёт ему работу и произвольно назначает за неё плату. Этой платы бедному работнику не всегда станет на дённую пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства, а богатый собственник с этой платы берёт 99 процентов... Хорошо равенство!»

Белинский прекрасно видел, к каким пагубным результатам привела Францию буржуазия. «Владычество капиталистов по-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XVI, стр. 352.

крыло современную Францию вечным позором,— писал он в 1847 году.— ...Всё во Франции мелко, ничтожно, противоречиво, нет чувства национальной чести, национальной гордости». Он пророчески писал о судьбах английской буржуазии: «Торгаш — существо, цель жизни которого нажива; поставить пределы этой наживе невозможно. Она, что морская вода; не удовлетворяет жажду, а только сильнее раздражает её. Торгаш не может иметь интересов, не относящихся к его карману... Торгашу недоступны никакие человеческие чувства, и если какое-нибудь чувство явится у него, например, любовь к сыну или дочери, то не как естественное чувство, а как уродливая страсть, как кара за отвержение человечества... И каково государству, когда оно в его руках? В Англии средний класс (т. е. класс торгашей. — *Н. Б.*) много значит... Кончится время аристократии в Англии... Англия представит собою, может быть, ещё более отвратительное зрелище, нежели какое представляет теперь Франция».

В 1847 г. Белинский ездил лечиться за границу и проезжал Германию. Его поразили нищета и бедность немецкого населения, порождённые капитализмом. В письме к Боткину он сообщал: «Что за нищета в Германии, особенно в несчастной Силезии... Здесь я понял ужасное значение слов: пауперизм и пролетариат».

Белинский сумел разглядеть мрачные стороны американской «демократии». Ещё в 1836 г. он обличал эту страну хвалёной «цивилизацией», где «люди не добродетельны, а только благоразумны, не нравственны, а только осторожны, они не борются со злом, а избегают его, избегают не по ненависти к злу, а из расчёта. Цивилизация тогда только имеет цену, когда помогает просвещению».

И как итог из наблюдений и размышлений великого критика над судьбами европейских стран звучат его слова: «Я сказал: «не годится государству быть в руках капиталистов», а теперь прибавлю: горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значит только возвышение или упадок фондов—далее этого они ничего не видят». Так метко и глубоко обрисовал Белинский психологию буржуазных собственников.

Белинский клеймит жадность и бессердечие буржуазии и горячо сочувствует лишениям народа, связывая с ним надежды на возрождение европейских стран в будущем. «Бедствия народа в Париже выше всякой меры, превосходят смелые выдумки фантазии,— писал он.— Но искры добра ещё не погасли во Франции,— они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя. Народ — дитя, но это дитя растёт и обещает сделаться мужем, полным силы и разума... Он ещё слаб, но он ещё один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях образованного общества».

Белинский предсказывал светлое будущее своей родине. По свидетельству одного современника, Белинский говорил, что «Россия лучше сумеет... разрешить социальный вопрос и покончить с враждой капитала и собственности с трудом, чем Европа». Он предвидел, что со временем «свет победит тьму, разум победит предрассудки, свободное сознание сделает людей братьями по духу — и будет новая земля и новое небо».

В отличие от западноевропейских социалистов, наивно надеявшихся на достижения социализма мирным путём, русский демократ призывал к революции. «Смешно и думать, что это может сделаться само собой, временем, без насильственных переворотов», — писал он. Критик восторженно отзывался о революции XVIII века, когда «рубили на гильотине головы аристократам, попам и другим врагам... разума и человечности».

В письме к Боткину (1841 г.) неистовый Виссарион смело произносит беспощадный суд над монархами: «Какое имеет право подобный мне человек стать выше человечества, отделиться от него железною короною и пурпуровой мантией, на которой... видна кровь первого человекоубийцы... Какое право он имеет внушать мне унижительный трепет?... Нет, не должно быть монархов, ибо монарх не есть брат людям».

Недаром Герцен говорил, что «самая революционная натура николаевского времени Белинский».

В то время Белинский знал уже ранние работы К. Маркса и Энгельса и дал о них восторженные отзывы.

В последние годы своей жизни Белинский особенно горячо и близко принимал к сердцу дела народной крестьянской России. Критик, по словам Тургенева, «всем существом своим стоял близко к сердцевине своего народа». Белинский много раздумывает о судьбах родного народа, о значении его в исторической жизни и о будущем своей родины.

Народ, по мнению Белинского, — великая сила исторического развития, его духовная жизнь составляет основу деятельности личности. «Народ — почва, — писал Белинский, — хранящая жизненные силы всякого развития; личность — цвет и плод этой почвы». «Народ относится к своим великим людям, как почва к растениям, которые производит она». Белинский резко порицал тех «мудрецов», которые презирали народ. Он не соглашался и спорил с теми, кто думал, что народ «по причине его невежества и необразованности не заслуживает изучения».

Для Белинского была бесспорна даровитость русского человека, его глубоко волновали многочисленные факты гибели талантливых людей из народа в условиях существовавшего строя: «Сколько глубочайших натур остаются на Руси не развитыми и гложут от того, что не встретились с человеком или с людьми». «Русский народ — один из способнейших и даровитейших народов в мире, — говорил Белинский, — это он сам доказал так хорошо, что в этом не сомневаются в Европе», и великий

критик не раз высказывал веру в великую будущность русского народа.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция осуществила мечту Белинского; она предоставила простым людям широчайшие возможности для всестороннего развития. Ленин писал: «Социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создаёт возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами»¹.

Белинский был страстным поборником прав женщины и провозглашал равенство мужчины и женщины: «Мир знания, искусства, словом, мир общего должен быть столько же открыт женщине, как и мужчине, на том основании, что и она, как и он, прежде всего человек».

Он заявлял много раз об уважении в женщине человека, ибо был убеждён, что «видеть и уважать в женщине человека не только необходимое, но и главное условие возможности любви для порядочного человека».

Белинский не раз писал о необходимости развития самобытной русской национальной культуры. «Настало для России время развиваться самобытно, из самой себя», — пишет он в 1846 году. Белинский говорит о том, что победа России в Отечественной войне 1812 г. имела международное значение: «Россия решила [в войне 1812 года] судьбы современного мира... и теперь, заняв по праву принадлежавшее ей место между первоклассными державами Европы, она вместе с ними держит судьбы мира на весах своего могущества».

Белинский, отвергая эксплуататорский строй, выражал твёрдую уверенность, что «Россия есть страна будущего. Россия... носит в душе своей непобедимое предчувствие великости своего назначения, великости своего будущего».

Белинский надеялся, что Россия создаст могучую промышленность, высокую культуру и богатую литературу. Он верил в великое предназначение родины. В 1840 г. великий критик прозорчески писал: «Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во главе образованного мира, дающего законы и науке и искусству, и принимающего благоговейную дань уважения от всего просвещённого человечества».

Белинский вдохновенно говорил: «Мы будем и поэтами и философами, народом артистическим, народом учёным и народом воинственным, народом промышленным, торговым, общественным».

Эти мечты Белинского стали явью. Русская классическая ли-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXII, стр. 158.

тература XIX в. по своим идеям и художественному мастерству заняла первое место в развитии мировой литературы, а советская литература, воспитанная на лучших традициях русской классической литературы, признана самой передовой, самой идейней литературой в мире.

Статьи Белинского о литературе не утратили своего значения и в наши дни. Его суждения о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Крылове помогают изучать творчество классиков; его гениальные высказывания по вопросам литературы и искусства оказывают несомненную помощь современным критикам в исследовании и оценке произведений современной литературы.

«Любить свою родину...— пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих способствовать этому»,— вот в чём был для Белинского глубочайший патриотизм. По свидетельству Чернышевского, «любовь к родине, мысль о благе её одушевляла каждое его слово, — и только этим страстным увлечением объясняется непреклонная, неутомимая энергия его деятельности, его могущественное влияние на публику и литературу».

Белинский воспитывал поколения русских людей в духе великих освободительных идей, в духе преданности народу и родине.

Влияние Белинского простиралось не только на русского читателя. Плодотворное воздействие его взглядов испытали на себе лучшие люди братских народов России и славянских стран (Болгарии, Сербии, Чехии), воспринявшие идеи Белинского, его мечту о политической борьбе масс за освобождение.

Белинский, по определению В. И. Ленина, выступает в истории освободительного движения России как один из предшественников русской социал-демократии.

«В области литературы, — говорил товарищ Жданов, — наша партия устами Ленина и Сталина неоднократно признавала огромное значение великих русских революционно-демократических писателей и критиков — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Плеханова»¹.

В дни Великой Отечественной войны товарищ Сталин назвал имя Белинского в ряду самых великих деятелей русской нации.

Советскому народу дорога память Белинского, как великого борца против крепостничества и капитализма, за счастье и свободу великого русского народа.

¹ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 23. Госполитиздат, 1946 г.

Редактор — кандидат филологических наук С. П. Бычков.

А 04554.

Тираж — 80 000 экз.

Заказ 1201.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ**
**С ЯНВАРЯ ПО ИЮНЬ 1948 ГОДА ВЫШЛИ В СВЕТ
24 БРОШЮРЫ-СТЕНОГРАММЫ ПУБЛИЧНЫХ
ЛЕКЦИЙ ПО РАЗДЕЛАМ ИСТОРИИ,
ФИЛОСОФИИ, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА:**

Кандидат исторических наук С. М. ПЕТРОВ.

Пятый том Сочинений И. В. Сталина.

Профессор Б. М. ВОЛИН.

Шестой том Сочинений И. В. Сталина.

А. К. АЗИЗЯН.

Седьмой том Сочинений И. В. Сталина.

Член-корреспондент Академии наук СССР П. Н. ПОСПЕЛОВ.

**Партия Ленина—Сталина — руководящая и направляющая
сила советского общества.**

Член-корреспондент Академии наук СССР Л. А. ЛЕОНТЬЕВ.

**Политическая экономия социализма в трудах Ленина и
Сталина.**

Кандидат философских наук А. Я. ЗИСЬ.

О коммунистической морали.

Профессор В. И. ДОКУКИН.

**Мировое значение Великой Октябрьской социалистической
революции.**

Профессор И. Т. ГОЛЯКОВ.

Демократизм советской избирательной системы.

Кандидат юридических наук И. Н. АНАНОВ.

Местные органы государственной власти в СССР.

Генерал-полковник юстиции В. В. УЛЬРИХ.

О бдительности советских людей.

(Окончание см. на 4-й стр. обложки)

Кандидат философских наук А. И. СОБОЛЕВ.

О советском патриотизме.

Профессор М. А. ЛЕОНОВ.

Критика и самокритика — диалектическая закономерность развития советского общества.

А. ЛЕОНТЬЕВ.

«Манифест Коммунистической партии» и его всемирноисторическое значение.

Член-корреспондент Академии наук СССР П. Н. ФЕДОСЕЕВ.

«Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса и материалистическое понимание истории.

А. П. КОСУЛЬНИКОВ.

О книге В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Кандидат исторических наук М. П. СТЕПАНОВ.

О книге В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад».

Доктор философских наук В. М. ПОЗНЕР.

О книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Профессор Г. М. ГАК

О работе товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме».

Академик М. Б. МИТИН.

О работе И. В. Сталина «Анархизм или социализм?».

Кандидат исторических наук С. М. ПЕТРОВ.

Первый съезд РСДРП.

Академик М. Б. МИТИН.

Кризис буржуазной демократии.

Кандидат философских наук А. В. ВОСТРИКОВ.

Ленин и Сталин в борьбе за партийность философии марксизма.

Академик Г. Ф. АЛЕКСАНДРОВ.

Банкротство буржуазной социологии.

Доктор философских наук Б. Э. БЫХОВСКИЙ.

Американский персонализм в борьбе против науки и общественного прогресса.

(Начало см. на 3-й стр. обложки)